

ЦЕННОСТИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: ФИЛОСОФИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Предполагается, что базовые ценности публичной сферы выражаются формулой французской революции «Свобода, Равенство, Братство». Анализируются труды Ф. Фенелона и других французских просветителей XVIII в. Общий вывод исследования: связывать лозунг революции с философией Фенелона или французского Просвещения неверно.

Ключевые слова:

братство, диалог, естественное состояние, политическое состояние, публичная сфера, равенство, свобода, ценности.

Наши предыдущие поиски английских корней сжатого выражения ценностей публичной сферы, данного Великой Французской буржуазной революцией, привели к двойственному итогу. С одной стороны, в философии Гоббса и Локка мы обнаруживаем все предпосылки для возникновения известного французского лозунга, хотя последний элемент – братство – обоснован заметно слабее свободы и равенства. С другой, – самой известной триады у англичан, кажется, нет. Обратимся к поискам ее французских корней.

Ряд источников называет в качестве автора формулы «Свобода, Равенство, Братство» Франсуа Фенелона (см., напр. [10, р. 3; 12] и др. К сожалению, нам не удалось обнаружить точной ссылки на то место, где архиепископ Камбрэ приводит данное словосочетание, хотя Б. МакМоррис указывает, что это произошло в «Приключениях Телемака» [13]. Не дали положительного результата и наши самостоятельные поиски. Более того, создается впечатление, что знаменитый во Франции и чрезвычайно популярный в дореволюционной России мыслитель не очень увлекался триадами различного рода, предпочитая им куда более обширные перечни.

Пожалуй, в наиболее известном в светских кругах сочинении Фенелона – «Приключениях Телемака» – есть фрагмент, позволяющий говорить о некоторой тройственности оснований правильной организации общества. Телемак участвует в интеллектуальном состязании: соперники должны ответить на три вопроса идеального законодателя Миноса. Вопросы, как и ответы на них, содержатся в книге законов Миноса, к которой кроме организаторов соревнования никто не имеет доступа. Победитель получает царскую власть, т.е. предполагается, что вопросы затрагивают самую суть правления. Вопросы такие: кто

самый свободный? кто самый несчастный? кто лучше: царь, умеющий воевать, или царь, мудро правящий в мирное время? Таким образом, оказывается, что начало начал общественной жизни – свобода. Правильный ответ гласит: «Самый свободный из всех людей... – тот, который может быть свободен также и в рабстве. ...Человек действительно свободный – это тот, который, освобожденный от боязни и желания, только и подчиняется Богам и своему рассудку» [6, с. 52]¹. Может показаться, что Фенелона не волнуют проблемы политической или социальной свободы.

Однако Фенелон вовсе не равнодушен к социальным проблемам. Вспомним, что вопрос о «внутренней свободе» ставится им именно в связи с установлением принципов управления. Монарх должен быть свободен сам, и свободны (в указанном смысле) должны быть его подданные. То, что здесь, по мысли Фенелона, существует паритет, ясно из ответа на второй вопрос – кто самый несчастный? «Самый несчастный из всех людей тот, кто думает быть счастливым, сделав других несчастными» [6, с. 53]. Можно долго умножать цитаты из «Телемака» и других произведений Фенелона, подтверждающих его приверженность идее равенства. Приведем лишь выписку из одного письма этого автора: «Ежели вы хотите быть отцом малых, будьте сами таковы: умалитесь и сравняйтесь с ними, снизойдите даже до последней овцы вашего стада, в том служении, которое выше человека, ничего не может быть низкого» (цит. по [1, с. 299–300]). Речь идет о служении церковном, но и к светскому Фенелон относился так же. Итак, равенство заключается, прежде всего, в равенстве «свободы сердечной». Но для камбрэского учителя не менее важно и равенство имущественное.

Лишь один вид неравенства признает Фенелон между людьми: неравенство об-

разования. Но и оно существует не для того, чтобы образованные могли извлечь из него дополнительные преимущества, а для того, чтобы они были мудрыми руководителями и наставниками необразованных. Вот слова, с которыми он обращается к своему совсем еще маленькому воспитаннику – внуку Людовика XIV герцогу Бургундскому: «Вы воображаете, что вы более меня;.. а что до меня принадлежит, то я не страшусь сказать, поелику вы меня к этому принуждаете, что я больше вас... Вы почли бы того безумцем, если бы кто в выслугу поставил себе то, что небесный дождь сделал жатву его плодоносною, не оросив нивы соседа его; вы не были бы уже благоразумны, когда бы захотели превозноситься своим рождением, которое ничего не прибавляет к личному вашему достоинству. Вам нельзя сомневаться, чтобы я по просвещению и познанию не был выше вас» [1, с. 32–33]. Аналогичную мысль мы находим и в «Приключениях Телемака». При описании очередного идеального общества, которое должно послужить образцом для наследника французского трона, Фенелон пишет: «Они совершенно свободны, совершенно равны. Нет между ними никаких различий, кроме различия, основанного на опыте мудрых старцев или необыкновенной мудрости некоторых молодых людей...» [8, р. 144–145].

Итак, если попытаться выразить в двух словах смысл двух первых вопросов из книги законов Мinois, то получится: «свобода, равенство». Братство? Ничуть не бывало. Если мы обратимся к формулировке третьего вопроса, станет ясно, что братство здесь ни при чем. Кто лучше: правитель, умеющий воевать, или тот, что мудро правит в мире? Ни один из них не является идеалом, – говорит Фенелон. Но тот, что может мудро править в мире, все же лучше. Хотя бы потому, что он знает, как поддерживать тех своих генералов, которые умеют воевать. Этот третий вопрос не просто свести к одному слову, и все же кажется, что слово это – просвещение. В композиции «Телемака» отчетливо прослеживается путь от одного элемента к другому. Телемак проходит через различные испытания и понимает, что быть рабом по социальному статусу еще не значит быть рабом в душе. И обратно: называться свободным еще не значит обладать подлинной свободой. Научившись свободе, Телемак учится равенству людей независимо от их общественного положения и благосостояния. Равенству человеческого достоинства. А

после этого воспитательного этапа будущий правитель Итаки приобретает знания собственно об искусстве управления.

Так есть ли у Фенелона братство? Архиепископ очень много говорит об отношениях между родителями и детьми как основе социума. Родительские отношения связывают пастора и паству, правителя и подданных. Любовь является одним из центральных элементов богословских взглядов Фенелона (см. [2]), и любовь эта, прежде всего, – родительская. Отсюда, конечно, легко заключить, что паству и подданных связывают братские отношения, а поскольку люди по своему достоинству равны, то и те, которые в каком-то смысле являются отцами, в каком-то – братьями. Но Фенелон не выводит братство на первый план, не делает из него третий член триады базовых социальных ценностей.

Нередко исследователи ссылаются на общую позицию просветителей, у которых, так или иначе, часто употребляются все члены знаменитой триады (напр., мнение М.Озуф) [11]. Посмотрим, что говорят по данному предмету «сумма французского Просвещения» – «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» – и самый почитаемый французскими революционерами просветитель, создавший наиболее цельное социальное учение, Ж.-Ж. Руссо.

«Энциклопедия» содержит статьи, посвященные каждому из членов триады. Интересующие нас тексты почти полностью принадлежат перу Луи де Жокура. Разным значениям слова «свобода» посвящены 13 статей: здесь и свобода в живописи, и свобода в коммерции, и свобода в иконографии и пр. Основное внимание де Жокур уделяет тому значению, которое слово «свобода» имеет в сфере морали. При этом мораль, исходя из текста статьи, следует понимать в том смысле, который морали в противопоставлении нравственности придаст Гегель. Социального значения эта свобода практически не имеет. Более того: люди, согласно де Жокуру, вовсе не «рождаются и живут свободными», как о том будет заявлять Декларация прав человека и гражданина. Свобода «состоит в возможности разумного существа делать то, что оно хочет...» [9]. Разум – и основа, и ограничитель свободы. Но разные существа разумны в разной мере. Разум может еще не состояться – таково положение дел у детей (де Жокур связывает это с физиологической незрелостью мозга), разум может спать (мозгу это время от времени

94 | необходимо), разум может быть болен (у сумасшедших). Все они несвободны.

Совершенно иной подход демонстрирует де Жокур, когда речь заходит о естественной, гражданской и политической свободах, т. е. тогда, когда анализ свободы начинается не с качеств свободного субъекта, а с условий его существования. Эти четыре вида свободы логически связаны между собой и предполагают равенство субъектов в свободе. Естественная свобода состоит в возможности не подчиняться никакому господину. Это давно минувшее блаженное состояние. Гражданская свобода есть превращение естественной свободы в обществе и состоит в возможности подчиняться только закону. Наилучшие же законы – те, что гарантируют безопасность каждого гражданина, что выражается не только в уголовном преследовании за преступления, но и в том, что никто, в том числе и правитель, не может запугивать другого. Это и есть свобода политическая. Иначе говоря, утрата абсолютной естественной свободы может быть компенсирована лишь в условиях равенства перед законом, обеспечивающим неприкосновенность личности и ее имущества. Английские корни подхода де Жокура очевидны, хотя напрямую он и цитирует Монтескье, а не Локка. Сам энциклопедист пишет о той стране, в которой главной целью конституции является установление политической свободы, о прекрасном гении Англии. В сравнении с Локком в Энциклопедии мы можем отметить более дифференцированный подход к понятию «свобода». (Он, впрочем, не был заслугой одного де Жокура. Так, например, аббат Рейнал различал свободу естественную – свободу человека, свободу гражданскую – гражданина и политическую – народа. Чуть позже мы рассмотрим подобное различие у Ж.-Ж.Руссо.) С другой стороны, Энциклопедия не дает единого и последовательного представления о свободе несмотря даже на то, что статьи о ней написаны одним человеком. «Свобода души», которая, повторим, де Жокура и интересует в первую очередь, оказывается никак не связана с видами «социальной» свободы.

В статье «Равенство естественное» принципом и основанием свободы объявляется равенство, одинаковость человеческой природы. Очевидно, что речь идет о свободе не из сферы морали, а о естественной, но также и о гражданской и политической свободах.

Братство интересует создателей Энциклопедии в контексте выражения

«братство по оружию». Небольшая статья, написанная об этом де Жокуром, может показаться выбивающейся из общего контекста наших исследований: в отличие от свободы и равенства братство пока не выводится на уровень самостоятельного понятия. Однако в этой статье намечается важный для нас ход мысли. «Связь между двумя рыцарями для какого-нибудь высокого предприятия, имеющего четко обозначенный конец, или даже для всего, что они могут когда-нибудь совершить; они клянутся друг другу делить равно труды и славу; опасности и приобретения; не покидать друг друга никогда, если один будет нуждаться в другом» [9]. Таким образом, оружие у де Жокура уходит на второй план, остается братство как форма социальной связи, предполагающей совместный труд и верность. В этой характеристике можно увидеть отличие братства от других видов социального взаимодействия – совместной службы и брака. Важно также, что братство в контексте Энциклопедии лишено кровного характера. Оно создается свободным выбором брата.

Братство выступает гражданским коррелятом естественного равенства. На природном равенстве основывается, по де Жокуру, естественная склонность людей друг к другу: «долг милосердия, человечности и справедливости» [9]. Братство же связывается с неприродным фактором и моральной свободой. Появление этого понятия демонстрирует, как в «натуралистической символической единства» [7] под прикрытием «натуралистических символов» жило разрушение панприродной идеи. Жило не где-нибудь «на периферии исследований культуры» [5, с. 73], а в самом сердце просветительской идеологии. Природа со всеми ее символами, включая и «братство», на деле не имела для нового мышления решающего значения. Она была нужна для того, чтобы обосновать возможность иной реальности – Коммуникации. Пока идея Природы работала на Коммуникацию, она развивалась и детализировалась. Как только Природа делала Коммуникацию излишней или начинала ей противоречить, она безжалостно отбрасывалась. Наполнение понятия «братство» совсем не кровнородственным содержанием и даже неявное противопоставление его «естественному равенству» у де Жокура – яркий, но отнюдь не единственный пример. Те же мотивы, порой носящие даже трагический (или трагикомический) характер, мы можем обнаружить и у Ж.-Ж.Руссо.

В «Общественном договоре» Руссо делает замечательный вывод из рассуждений на заглавную тему своих предшественников. Коль скоро политическое состояние принципиально отличается от естественного, то и все фундаментальные общественные характеристики человека не могут рассматриваться как константы, независимые от смены этих состояний. Иными словами, если Локк полагает, что политическое состояние должно гарантировать соблюдение естественной свободы, то для Руссо такой тезис оказывается лишенным смысла. Политическое – гражданское, по Руссо, состояние порождает политическую, гражданскую свободу, которая естественной не тождественна. Закрывая общественный договор, люди обменивают свою естественную свободу на политическую. С одной стороны, логика Руссо оказывается продолжением логики Локка, утверждавшего историческое бытие естественного состояния. С другой, – Руссо возвращается к сложности Гоббса с его диалектикой физического и политического тел. В ряде принципиальных положений Руссо воспроизводит выводы Гоббса. Важнейшее же отличие состоит в той единственной статье, к которой сводится суть общественного договора: «полное отчуждение каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины» [4, с. 13]. Очевидно, что изъятие себя из этого целого, т. е. действие в соответствии с собственной волей, оказывается преступлением, нарушением условий договора и гражданской свободы. Отсюда неизбежно и известное следствие: подобного нарушителя «силой заставят быть свободным» [4, с. 16].

Соответственно, здесь возникают и равенство, и единство. Естественное равенство не рассматривается Руссо как сколь-нибудь серьезный аргумент. Руссо резонно замечает, что в естественном состоянии люди не равны – ни по своим физическим, ни по умственным возможностям. Равенство может возникнуть только в гражданском состоянии. Отметим, что именно в этом Руссо доводит до завершения мысль Локка, высказывая одно из фундаментальных положений новоевропейской цивилизации: люди равны в правах, потому что они равны по праву. Впрочем, тут же и другое следствие, обозначающее уже не магистральный путь европейской мысли, но часто встречающееся ответвление. Равенство заключается в том, что ни один индивидум ничем не обладает – никакой

собственностью, никаким правом, ни даже собственной жизнью. Впрочем, никто, как любит говорить Руссо, в здравом уме не согласился бы на такие условия договора. Договор же, заключенный безумцами, действительным не является. А «восхождение к первоначальному договору» – принцип, который Руссо делает методологическим основанием проверки разумности существующих законов (через двести лет этот принцип повторит Дж. Ролз).

Итак, люди отчуждают свою собственность и жизнь только на условиях получения их обратно. Но, как и свобода, эти приобретенные дары уже не тождественны пожертвованным. Политический организм создает гарантии для жизни человека в обычных условиях, но в условиях экстремальных может эту жизнь потребовать, так как по существу жизнь человека в политическом обществе принадлежит уже не ему, а обществу. То же и с вещами. Каждому гарантируется собственность, но совсем не такая, какая могла быть в естественном состоянии. Если вся собственность принадлежит обществу, то равенство прав на нее означает, что общество будет выделять каждому равный объем этой собственности. Формальное равенство Локка Руссо заменяет материальным. При этом и обоснование материального равенства Руссо проводит не с опорой на принципы права, при всем к ним почтении, а с учетом целесообразности такого раздела для общества. «Если вы хотите придать государству прочность, то сблизьте крайние ступени, насколько это возможно; не допускайте ни богачей, ни нищих. Эти два состояния, естественно неотделимые друг от друга, одинаково губельны для общественного блага; из одного выходят виновники тирании, а из другого – тираны; между ними и происходит торг общественной свободы, одни покупают ее, другие – продают» [4, с. 44].

Наконец, обратимся к понятию «братство». Руссо постоянно употребляет слово «единство». Единство народа является и предпосылкой, и результатом заключения общественного договора. «Каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого» [4, с. 13]. Однако при всей важности единства оно не может посягать на статус равный свободе и равенству, которые объявляются Руссо основными принципами государства. Кроме того, очевидно, что «единство» Руссо прин-

ципально отличается от того единства, которое мы ищем для публичной сферы. У французского просветителя единство не предполагается, но замещает различие.

Слово «братство» в «Общественном договоре» фактически не употребляется. Мы, однако, находим выражение «люди – братья», когда речь идет о христианстве. «Посредством этой святой, возвышенной, истинной религии все люди – дети одного и того же Бога – признают себя братьями; а общество, которое их соединяет, не распадается даже после смерти» [4, с. 116]. Но, с точки зрения Руссо, проблема именно в том и заключается, что такое сознание братства никак не соотносится с политическим единством. Руссо высказывает мысль, через столетие приобретающую скандальную известность благодаря Ницше: христиане – рабы. Но у Руссо – рабы лишь в социальном смысле. Рабы, потому что свободны

от забот о политическом устройстве, чем и пользуются тираны всех мастей. Христианство – «религия святая, возвышенная и истинная», а Царство Божие прекрасно, только вот – не от мира сего. А Руссо, как и все наши герои, озабочен возможностью свободы и равенства уже в этом мире. Таким образом, «братство» появляется в революционной формуле не от Руссо.

Наше исследование вновь приводит к отрицательному результату. Хотя французские мыслители гораздо больше интересуются братством, чем их английские коллеги и предшественники, представление о том, что просветители (или, тем более, Ф. Фенелон) изобрели лозунг «Свобода, Равенство, Братство», оказывается мифом. Впрочем, в научной литературе есть указания на то, что этот лозунг имеет и другие корни. А значит, наши поиски еще не закончены.

Список литературы:

1. Жизнь Фенелона, архиепископа Камбрейского: знаменитого творца Телемаковых походов и многих других известных на Российском языке его сочинений / пер. с фр. – М.: Университетская типография, у Хр. Клаудия, 1801. – 418 с.
2. Избранные духовные творения Фенелона, архиепископа Камбрейского. В 4-х ч. – М.: Университетская типография, 1820–1821.
3. Похождения Телемака, сына Улисса. Сочинено господином Фенелоном, учителем детей короля французского, бывшего потом архиепископом Камбрейским и князем Римской империи. Переведена на Российский язык в 1734 году и по высочайшему соизволению Ея Императорского Величества всемилостивейшей Государыни Елисаветы Петровны, самодержицы Всероссийской. Напечатана при Императорской Академии Наук в Санкт-Петербурге 1747 года. – СПб. – 286 с. + 12 с.
4. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 124 с. + VIII с.
5. Среды: очерки по теории солидарности / Под общ. ред. А.И. Макарова, Ю.Ю. Витютнева. – Волгоград, 2008. – 120 с.
6. Фенелон. Приключения Телемака (сына Улисса). Пер. В.И. Храповицкого. – Киев–СПб.–Харьков: Южно-Русское книгоизд-во Ф.А. Иогансона, 1909. – 64 с.
7. Яворский Д.Р. «Природа» как символ единства: Становление натуралистической парадигмы социокультурного универсализма в западноевропейской философии. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2007. – 163 с.
8. Fénelon. Les aventures de Télémaque, fils d'Ulysse. V. 1. – P.: l'imprimerie de P.Didot l'aoné et de F.Didot, 1818. – 226 p.
9. L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://diderot.alembert.free.fr/> (Дата обращения: 06.07.2010).
10. Justice, Liberté, Egalité, Fraternité: Sur quelques valeurs fondamentales de la démocratie européenne. – Genève: Institut européen de l'Université de, 2006.
11. Liberté, Egalité, Fraternité [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fr.wikipedia.org/wiki/Liberte,_Egalite,_Fraternite (Дата обращения: 12.07.2009).
12. Living in the Languedoc: Central Government: French National Symbols: The Motto [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.languedoc-france.info/06141203_motto.htm (Дата обращения: 01.05.2010).
13. McMorris, B. Liberté, Egalité, (Fraternité) Anti-Discrimination [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cornellsun.com/node/24641> (Дата обращения: 15.07.2009).

¹ Цитата дается по последнему переводу Фенелона на русский язык. Впрочем, отметим, что г-н Храповицкий перевел не самого Фенелона, а обработку французского текста, выполненную в Тифлисской гимназии для учебных целей Ф.Крейсбергом. Мы цитируем перевод В.Храповицкого настолько, насколько он соответствует оригинальному тексту. Полный же перевод на русский язык был издан в середине XVIII в. [3]. После этого на протяжении всего XIX века в России неоднократно издавалось переложение «Приключений» для детей.